

Особенности лингводидактического описания вариантности русского языка в рамках теории функционального поля

Наталья Островская

Ключевые слова: *вариантность, ядро, периферия, контекст, языковая система*

Концепция функционально-полевой структуры языковых и речевых явлений в русской лингвистической традиции складывалась постепенно. Интерес к вариантности как к речевой универсалии связан с исследованиями в области функционирования языковых категорий и единиц в рамках различных речевых ситуаций. Получивший развитие в начале 20-г века функционально-полевой подход к исследованию языковых и речевых категорий позволяет значительно расширить круг языковых явлений, включённых в поле вариантности. Так среди элементов поля вариантности могут рассматриваться не только фонетические, морфологические и словообразовательные средства выражения вариантных речевых функций, но и варианты синтаксические, лексические и контекстуальные явления в области языковых категорий и речевой деятельности. В наших исследованиях мы опираемся на определение функционально-семантического поля, данное А.В.Бондарко, а именно: «ФСП – это базирующаяся на определённой семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [6, 11].

Функциональный подход к изучению вариантности языковых явлений позволяет рассматривать функционирование языковых форм в плане широкого охвата языкового материала, как в синхронном или диахронном аспекте изучения одного языка, так и при сопоставительном анализе нескольких языков.

Теоретические основы лингводидактического подхода к исследованию вариантности

Сегодня, кажется, уже трудно найти серьёзные аргументы против утверждения о том, что вариантность, представляя собой явление, характеризующее как развитие системных явлений в языке, так и влияние речевой стихии, характерной для определённого национального коллектива. В данном исследовании мы исходим из того

тезиса, что всё многообразие языковых и речевых феноменов не укладывается в бинарную оппозицию «норма – не норма». Сколько-нибудь адекватное, соответствующее речевой практике описание вариантных фактов русского языка, по нашему мнению, невозможно без введения понятия *функциональное поле вариантности*.

По определению Л. К. Граудиной, «вариантность – особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей, их частных (вариантов) при сохранении того, что является основой (инвариантом)» [3, 34]. В данном определении, как видим, вариантность называется «качеством» языковых сущностей, определяющих их расположенность к видоизменению, а значит к полифункциональности, что даёт возможность определять вариантность как «функциональное поле» тем научным термином, который может быть использован при изучении вариантности в рамках лингводидактического метода исследования. Данный подход позволяет исследовать категориальные явления не только в рамках отдельных языковых уровней, но и в рамках межуровневых, разноуровневых систем, основанных на объединении, взаимодействии морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексико-грамматических и грамматических элементов. Теорию функционального поля мы рассматриваем как одну из основных концепций, существующих в современной русистике для рассмотрения феномена вариантности языковых единиц. Данная концепция позволяет решить ряд проблем, касающихся особенностей вариантных языковых форм современного русского языка, особенно в плане их функционирования в речевом пространстве.

Полевая природа категории вариантности не очевидна: формальная и семантическая структура, находящая своё выражение в вариантных парах или даже рядах, в лексико-семантическом отношении не тождественны, тогда как части их противопоставлены эксплицированными в виде формальных противопоставлений отношениями «норма-ошибка» которые образуют ядро функционального поля вариантности.

Функционально-семантический подход к изучению вариантных языковых явлений позволил прийти к выводу о том, что, во-первых, вариантность является одним из самых универсальных с точки зрения охвата фактического материала феноменов

русской речи. Во-вторых, вариантность - одно из самых сложных явлений русского языка с точки зрения определения функциональной значимости. Именно этот факт вызвал интерес к исследованию вариантных явлений в сопоставительно-типологическом плане. Функциональный подход существенно изменил наш взгляд на категориальную структуру русского языка.

В нашем исследовании мы будем опираться на методы «функциональной теории», которая может строиться на различных основаниях, одно из которых, появление вариантной формы той или иной языковой единицы функционально обусловлено либо в синхронной, либо в диахронном аспекте, в плане функциональной перспективы. По нашему представлению характеристика вариантной формы, базирующаяся на понятиях функционального поля и речевой ситуации. Функциональное поле вариантности определяется нами как единство вариативных языковых единиц разных уровней, которые объединены функционально заданной речевой ситуацией, в силу чего, отталкиваясь от нормы, выполняют особую лингвистическую, историческую, социокультурную или даже личностную задачу. В современной лингвистике имеет место широкое и узкое, специализированное понимание категории вариантности. В широком значении она включает в себя выражение всех литературных и нелитературных (стилистических, территориальных, профессиональных, социокультурных) языковых форм и распределения речевых единиц по плоскости социальной и территориальной коммуникации. В узком понимании категория вариантности охватывает системные характеристики вариантных форм с точки зрения принадлежности их к литературному языку (допустимые: разговорные, устаревающие, дублетные).

Далее в нашем исследовании мы будем придерживаться узкого подхода к пониманию вариантности. Прежде всего, мы обозначим понятийные пределы языковой нормы как ядра, отталкиваясь от которого мы определяем лингвистические, функциональные и дидактические особенности вариантных форм. По определению С.И. Ожегова «Норма – это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих,

образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [4, 100]. В русской лингвистической традиции началом изучения вопросов вариантности явились исследования нормативных характеристик языковых единиц.

Несмотря на длительность и глубину научных исследований в этой области, определение языковой вариантности до сих пор остаётся одной из широко обсуждаемых проблем, а вопрос о сущности вариантного противопоставления всё ещё нельзя считать решённым, поскольку лингвисты так и не пришли к единому мнению по данным вопросам. Особенно спорным является вопрос о границах понимания феномена вариантности, особенно в культурологическом и стилистическом аспекте, когда речь идёт о высказывании как действии, имеющем своего адресанта, адресата и целевую направленность. Например, во субъективным остаётся проблема вариантной оценки стилистических средств (стилистики научного стиля, разговорных средств и др.), вариантная оценка дублетных единиц, оценка устаревающих вариантов. Классическим образцом вариантности можно считать двучленную корреляцию соответствующей литературной норме и не соответствующей литературной норме речевого употребления единицы языка.

Одним из факторов, препятствующих созданию непротиворечивой модели функционального поля вариантности, является нередко наблюдаемая фактическая асимметрия между членами вариантной пары. Фактор асимметричной полисемии вариантной пары становится непреодолимым препятствием к тому, чтобы однозначно признать вариантную многополярность особым речевым феноменом, который шире простой оппозиции *норма//ошибка*.

В свете вышеописанных вопросов и проблем, с которыми сталкиваются исследователи при описании категории вариантности, особо значимой представляется идея о двух типах инвариантов - абсолютной инвариантности языковой единицы, присущей всем случаям функционирования данной формы (нейтральной, не связанной никакими стилистическими, территориальными и любыми другими ограничениями), и относительной инвариантности языковой единицы, охватывающей центральную сферу её употребления и не свойственной периферийным употреблениям (дублетные, допустимые, стилистически маркированные в рамках литературного языка). Эта идея

созвучна с концепцией о полевой природе языковых явлений, в частности содержащей описание структуры ядра, доминанты и периферии.

Другой дискуссионной проблемой категории вариантности русского языка является проблема инварианта, под которым понимается «тот компонент в значении (и, следовательно, толковании) языковой единицы, который присутствует в любом его употреблении либо в своём изначальном (прототипическом) виде, либо в виде другого компонента, полученного из прототипического в определённых условиях, по каким-то общим правилам» [2, 125]. В данном исследовании мы следуем принципу разграничения «открытой» и «скрытой» вариантности или принципу разграничения чисто вариативных явлений (*литературный вариант//нелитературный вариант; нейтральный вариант//стилистически маркированный вариант*) и вариантов «смешанных» (*дублетные, допустимые*). В рамках данной концепции вариантные формы выражают, с одной стороны, модификацию плана выражения языковой единицы с целью исторических, социальных, территориальных, стилистических маркёров её использования, с другой стороны системные изменения в языке, приводящие к возникновению дублетных и допустимых вариантных форм на периферии функционального поля вариантности. Данная формальная модификация языковой единицы не должна затрагивать план содержания. Ещё одним спорным вопросом можно считать субъективный или объективный характер вариантных форм. Мы рассматриваем категорию вариантности как безусловно субъективную, поскольку выбор говорящим той или иной вариантной формы (не важно, осуществляется этот выбор в силу коммуникативной привычки или приобретённых коммуникативных навыков), зависит от персонального виденья говорящим речевой ситуации и личностных коммуникативных целевых установок.

Таким образом, исследуя вариантное поле, представленное в современном русском языке мы опираемся на лингвистический и функциональный подход к разграничению вариантных форм, представленных в словарях современного русского языка, но и на коммуникативную оценку вариантных форм, представленную в работах студентов, изучающих культуру русской речи. Рассматривая, как собственно вариантные (в широком смысле слова) формы, так и допустимые в рамках литературного языка, стилистически не связанные вариантные средства в одном

функциональном поле, мы описываем: взаимодействие вариантных форм, формирующее специфику речевой ситуации и субъекта коммуникации.. Активное развитие языкового арсенала вариантных форм, на наш взгляд, вызвано динамичными процессами в формировании и развитии поля вариантности не только нелитературных форм русского национального языка, но и собственно вариантности в рамках литературного русского языка.

Анализируя варианты формы со стороны выражения в них контекстуальных значений, мы охватываем: а) категориальное значение вариантных форм в языковой системе и их вариативность в частных значениях; б) процесс движения вариантных форм от ядра функционального поля вариантности к периферии и наоборот; в) функциональное поле вариантности и речевые ситуации, представляющие собой определённые типы категориальной характеристики высказывания; в) описание формальных признаков, отражающих коммуникативную специфику высказывания.

Используя функциональный подход, позволяющий объединить явления разных языковых уровней под отдельным понятием функционально-семантического поля как особой формы организации языкового материала с точки зрения реализации общей функции, общего содержательного компонента, мы ориентируемся на определение, представленное в теории А. В. Бондарко, «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той или иной семантической зоне [1, 40]. Говоря о вариантности языковых средств, необходимо отметить, что понятие «семантической зоны» можно расширить до понятия зоны социальных, профессиональных условий функционирования вариантных форм, зоны личной речевой компетенции говорящих, зоны стилистических или исторических условий функционирования вариантных форм.

Система языка постоянно изменяется. С одной стороны, эти изменения касаются форм, характерных для разных языковых уровней (на историческом подходе исследования данного процесса базируется сравнительно-исторический метод языкознания), а с другой – они касаются исторических изменений языковых единиц на межуровневом, периферийном пространстве их взаимодействия. Одной из таких форм

межуровневых взаимодействий являются исторические изменения грамматических, лексических и словообразовательных единиц, классов и категорий на базе их функционирования.

Понятие функционально-семантического поля позволяет комплексно подойти к явлениям разных языковых уровней в их историческом развитии, учесть их взаимодействие в процессе генезиса грамматических категорий.

1. Вариантность в рамках речевой деятельности

Этапы движения вариантных форм от периферии речевого функционирования к языковому ядру можно представить следующим образом:

1.1. Норма – ошибка (просторечный вариант)

В данной ситуации на периферии функционального поля языковой единицы под воздействием речевой традиции возникает вариант, который закрепляется в обществе, но при этом не обнаруживает никаких возможностей вхождения в литературный язык. Подобные варианты могут использоваться в речи людей разных социальных групп, в речи людей с разным уровнем образования, но при этом данные варианты оцениваются как ошибочные. Просторечие характеризуют яркие орфоэпические, реже лексические и морфологические особенности, что при общей с литературным языком системной основе, делает просторечную форму трудно определяемой для говорящего. Носителю языка в некоторых случаях крайне трудно различить просторечные и разговорные элементы, особенно на уровне произношения. В основе этого явления лежит естественная эволюция просторечных и разговорных форм, отсутствие кодификации, а также их узусное восприятие носителями языка, что ведёт к отсутствию рефлексии о правильности употребления той или иной единицы. Контекстуальная обусловленность варианта – особое явление, которое зависит не от внешних обстоятельств или от имманентных свойств самой языковой системы, а от умения самого говорящего оценить стилистическую принадлежность варианта, предпочтительность того или иного варианта в зависимости от ситуации общения.

Хотя сфера функционирования просторечия и должна быть ограничена бытовыми и семейными коммуникативными ситуациями, но на деле просторечные формы имеют место в разговорных и публицистических текстах литературного языка. С одной стороны, говорящим, в том числе студентам, изучающим русский язык, достаточно

просто определить просторечный характер определённых слов, таких как *башка*, *ляпнуть* (сказать невпопад), *жрать* или просторечных грамматических форм, например, *ихний*, *ложить*. С другой стороны, зачастую говорящим сложно дать оценку фонетическим или акцентологическим вариантам, таким как *бАловать*, *кулинарИя*, *афЁра*, поскольку подобные ошибочные употребления часто можно услышать не только в повседневной речи, но и в СМИ, благодаря чему они активно переходят в разряд разговорных форм.

1.2. Норма – просторечный вариант – разговорный вариант

В данном случае вариант, первоначально оценивающийся как просторечный, входит в разговорную речь литературного языка. Происходит изменение социальной оценки варианта: он уже не воспринимается как ошибочный, но и не входит в формальное ядро выражения грамматического значения, оставаясь в рамках устной, неформальной, бытовой формы общения. В учебнике для вузов «Культура русской речи» под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева даётся следующее определение разговорной речи: «Разговорная речь – это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения» [3, 50]. Мы абсолютно согласны с авторами, что данный тип речи является литературным, хотя, в отличие от других кодифицированных языковых форм, он имеет ряд своих ярких особенностей, сближающих её с просторечными формами. Главной особенностью норм разговорной речи является узусность их социального и личностного формирования, то есть то, что они складываются и усваиваются непосредственно в процессе общения. Нормой разговорной речи можно назвать то, что носители русского языка постоянно употребляют в спонтанной речи, то, что они усваивают спонтанно, а не осознанно, то, что не воспринимается ими, как ошибка. Просторечные формы не нормализованы, но их употребление также усваивается говорящими узусно, поэтому им так сложно различить просторечные и разговорные формы, если, конечно, речь не идёт о грубом просторечии.

С одной стороны, благодаря особому характеру норм, разговорная речь может выполнять функцию проводника просторечных форм в литературный язык, где они могут быть ассимилированы языковой системой и обогащать лексический и

стилистический состав русского языка, например, *учители учителя, в стѢнах – в стенАх* и др.

С другой стороны, благодаря своей кодифицированности и литературной природе, разговорная речь служит «фильтром», отсеивающим просторечные употребления, не желательные в речи носителей русского языка, получившие отрицательную социальную и лингвистическую оценку.

1.3 Норма – просторечный вариант – разговорный вариант – дублетный вариант

Данный путь движения вариантов предполагает возникновение двух дублетных нормативных вариантов, входящих в функциональное ядро языковой системы. Оба варианта взаимозаменяемы, их социокультурная оценка также одинакова. Варианты можно считать дублетными только тогда, когда они не различаются ни в смысловом, ни в стилистическом отношении. Наличие дублетных вариантных форм можно считать показателем исторической смены норм литературного языка. Сосуществование в ядре языковой системы двух норм – это явление объективное, структурное, на которое не влияет ни воля отдельных людей, ни социокультурные условия. Показательным может считаться тот факт, что говорящие интуитивно маркируют дублетные формы, относя один из них, менее им знакомый, менее соответствующий их коммуникативной привычке либо в область разговорных, либо в область устаревших вариантов.

1.4 Норма – профессиональный и социальный вариант

Данные варианты, не вошедшие в систему литературного языка, остаются исключительно в рамках речевых предпочтений социальных и профессиональных групп. Подобные варианты нельзя квалифицировать как ошибку с точки зрения общепринятой социокультурной оценки, поскольку они не относятся к речевой практике всего национального коллектива, но они могут восприниматься как ошибка с точки зрения носителя языка, не имеющего отношения к той профессиональной или социальной группе, к которой принадлежит вариант. Профессиональные и социальные варианты редко попадают в литературный язык. Находясь на периферии языковой системы они обладают способностью быстро меняться, на их место приходят другие профессиональные или социальные варианты, либо единицы литературного языка.

Особый интерес для преподавания русского языка как иностранного безусловно имеют социокультурные варианты, характеризующие речь социальных и культурных

групп носителей языка. Одной из ярких социальных разновидностей национальных языков является сленг как особое терминологическое поле, представленное в речи различных социальных групп, особенно молодёжи. Сленг могут использовать в своей речи и образованные люди, представители определённой возрастной или профессиональной группы. Преподавание подобных выражений во многом зависит от языкового чутья и вкуса преподавателя. С одной стороны, невозможно адаптироваться в современной речевой среде без знания сленговых вариантов, невозможно понять многие телепередачи, фильмы, речь молодых людей. С другой стороны, зачастую грань между сленгом и просторечием очень сложно определить, например, *шляться* (прост. «гулять где-то» – *тусоваться* (сленг. «гулять с кем-то, проводить время»)).

2. Вариантность в рамках языковой системы

Понятие «непрерывное развитие» языковых норм предполагает непрерывное развитие всей языковой системы, её постоянную эволюцию, а значит смену не просто правил употребления языковых единиц, а их состава, места в ядре и или на периферии языковой системы, их функциональной значимости. Как указывает А.В.Бондарко «Существенным внутренним фактором языковых изменений следует признать исторические процессы, охватывающие разноуровневые единицы морфологического, синтаксического, лексического и словообразовательного аспектов языка» [1, 89]

Говоря о процессах, происходящих на стыке ядра и периферии в процессе формирования нового грамматического ядра, отметим следующий тезис Л.Г.Панина: «любой синхронный срез, например, морфологического яруса языка, содержит явления, во-первых, восходящие к различным периодам истории языка, во-вторых, разные с точки зрения своей грамматической природы (лексико-грамматические, лексико-синтаксические, морфологические); в-третьих, не выделяемые как таковые на современном этапе, но присутствующие в «зачаточном» состоянии, в виде некоторых морфологических потенциалов языка» [5, 13]. Этот тезис с полным правом можно отнести и к единицам других языковых ярусов/ Одной из таких форм межуровневых взаимодействий являются исторические изменения грамматических, лексических и словообразовательных единиц, классов и категорий на базе их функционирования.

Влияние нелитературных форм русского национального языка (городского просторечия, профессиональных и социальных жаргонов, сленга) на литературный язык во многом определяет эволюцию русского языка (кУрит – курИт), но данный процесс исторически протяжён, поскольку речевая стихия проходит через своеобразный фильтр литературной нормы. В результате такой адаптации некоторые варианты так и остаются на уровне нелитературных форм, например, звОнит, некоторые входят на периферию литературного языка, приобретая статус разговорного варианта договорА, некоторые, пройдя и через этот фильтр, становятся равноправными литературной норме: секторЫI – секторА, а некоторые вытесняют литературный вариант на историческую периферию: тополИ – тополЯ. Таким образом, появившиеся первоначально в спонтанной, неформальной, некодифицированной речи вариантные формы в рамках литературного языка остаются отклонениями от нормы и вообще не имеют отношения к норме как таковой, но некоторые из них постепенно, под влиянием различных факторов (например, под влиянием системных изменений (ударение в глаголах на -ить) или влиянию СМИ) один из вариантов актуализируется и ассимилируется в системе литературного языка. Особенно очевидным данный исторический процесс становится при сравнении нормативных вариантов с вариантами, относящимися к городскому просторечию, поскольку именно эта форма национального языка наиболее часто в речевом сознании носителей русского языка сталкивается с устными и письменными формами литературной речи (прежде всего, в силу постоянного роста населения крупных городов и развития массовых коммуникаций).

2.1. Норма – просторечный вариант – разговорный вариант – дублетный вариант

Данный путь движения вариантов предполагает возникновение двух дублетных нормативных вариантов, входящих в функциональное ядро языковой системы. Оба варианта взаимозаменяемы, их социокультурная оценка также одинакова. Варианты можно считать дублетными только тогда, когда они не различаются ни в смысловом, ни в стилистическом отношении. Наличие дублетных вариантных форм можно считать показателем исторической смены норм литературного языка. Сосуществование в ядре языковой системы двух норм – это явление объективное, структурное, на которое не влияет ни воля отдельных людей, ни социокультурные условия. Показательным может

считаться тот факт, что говорящие интуитивно маркируют дублетные формы, относя один из них, менее им знакомый, менее соответствующий их коммуникативной привычке либо в область разговорных, либо в область устаревших вариантов.

2.2. Дублетный вариант – норма

Последним этапом исторического формирования новой нормы становится исчезновение или трансформация одного из дублетных вариантов.

3. Вариантность в диахронном аспекте

Традиции сравнительно-исторического языкознания включают в круг исследуемых явлений взаимные связи языковых единиц, исторические изменения их функциональных возможностей, а также исторические преобразования языковой системы под воздействием социокультурных факторов, речевой стихии, узуса, которые приводят к возникновению вариантных единиц. Само по себе понятие вариантности, используемое в рамках истории языка, охватывает исторические явления, происходящие, прежде всего, в области нелитературных реализаций национального языка. Исторические языковые изменения могут протекать в направлении от периферии языковой системы к её ядру – от конкретных речевых, узусных реализаций языковых единиц к обобщённости, нормализации и кодификации, выражаемых одной из вариантных форм речевых реализаций.

Как указывает А. В. Бондарко: «Для диахронического исследования межуровневого взаимодействия необходимо понятие, которое отражало бы широкие сферы, охватывающие и объединяющие элементы разных уровней языка» [1, 89]. Таким понятием является понятие функционально-семантическое поля, кроме того, на наш взгляд, в диахронном исследовании вариантности особую актуальность приобретает понятие «группировка полей» или «мегаполей», под которыми мы понимаем объединение нескольких функциональных полей, которое становится возможным при наличии какого-либо общего признака. (например, поля диахронной и стилистической вариантности). Данная «группировка полей» может основываться на принципе отнесённости их функционирования к области речевой деятельности, к реализации языка как действия, имеющего своего адресата, адресанта, целевой установки и меняющегося в процессе реализации. Данные потенциальные возможности речевого

действия к изменению, варьированию во многом зависит от внешних условий его протекания.

Особым явлением, которое требует применения функционально подхода в своём исследовании, является явление исторической вариантности, которое пронизывает всё языковое поле вариантности и совмещает в себе средства всех языковых уровней. Явление исторической или диахронной вариантности может распространяться как на единичные формы, так и на парадигматические категориальные явления. К единичным вариантным формам, которые переходят по диахронной оси в разряд устаревших, можно отнести акцентологические варианты формы, возникающие в процессе русификации заимствованной лексики, например, *мАркетинг*, *рАкУрс*, *муЗЫка*, в сравнении с современными *маркЕтинг*, *рАкурс*, *мУзыка*. Примером парадигматических диахронных изменений может служить, следствием которых является возникновение вариантных форм, может служить изменение ударений в глаголах с финалью *-ить*: устаревшие *дарИшь*, *варИшь* в сравнении с современными *дАришь*, *вАришь*.

3.1. Норма – устаревший вариант

Варианты, вошедшие в литературный язык или возникшие непосредственно в нём, сосуществуют на протяжении некоторого времени, в дальнейшем один из них переходит в класс устаревших, а значит на периферию речевого употребления. Устаревшие варианты в большинстве случаев имеют стилистические особенности, они входят в официально-деловой, научный или художественный стили. Их употребление нельзя считать ошибочным. Они часто характеризуют речь людей старшего поколения. Иногда такие устаревающие варианты приобретают особые значения, также характеризующиеся отнесённостью к высокому стилю речи или профессионализмам, кроме того устаревшие варианты остаются в произведениях той эпохи, в которой они возникли (*счАстливый*, *кладБИщев* произведениях А. С. Пушкина) или исчезают совсем. Необходимо отметить тот факт, что, однажды войдя в ядро фонетических морфологических, синтаксических средств литературного языка и в дальнейшем оказавшись на его периферии, вариант никогда не возвращается в разряд нелитературных единиц. В нашем исследовании мы отталкиваемся от мнения,

высказанного С. И. Ожеговым: «Изучение языкового обихода русского города становится, как будто, задачей русской филологии. К этому изучению приводят интересы двоякого рода: стремление к пересмотру исторических перспектив развития языка, а, с другой стороны, стремление к познанию факторов становления языка в различных социальных группах, без чего невозможно и понимание эволюционного процесса» [4, 94]. В данном определении представлены базовые понятия: «исторические перспективы развития языка», «становление языка», «эволюционный процесс», которые дают возможность описывать речевые процессы, в том числе и вариантность, как часть единого эволюционного процесса.

Исторические изменения вариативных форм русского языка отражают эволюцию самой языковой системы. Они характеризуют такое коммуникативное качество речи как «правильность» и демонстрируют уровень образованности и лингвистической компетенции носителей языка. Различия в исторически меняющихся вариантных формах зачастую трудно определить и дать им соответствующую характеристику, они относятся к сфере коммуникативной привычки носителей языка и сложно поддаются корректировке, так как часто просто не осознаются говорящими как верные или неверные варианты. Социокультурная оценка данных вариантов также неодинакова: безусловно, что большое число людей определяет как неправильный вариант *звОнит*, при этом гораздо меньше говорящих отнесут к просторечию вариант *принудИть кого-л.* Другой уровень влияния на речевую коммуникацию носителей русского языка оказывают варианты, имеющие социальную и профессиональную обусловленность. Они маркируют речь с точки зрения социальных характеристик говорящего, а не с точки зрения изменения языковой системы или личностных характеристик, коммуникативных привычек адресанта или адресата речи

Все приведённые выше доводы говорят о том, что невозможно изучение современной русской коммуникативной ситуации без усвоения феномена вариантности в её историческом, социальном и личностном контексте, без чего нельзя проследить и понять эволюцию системы русского литературного языка и особенности её функционирования. Контекстуальный подход особо значим в изучении русского языка как иностранного, поскольку иностранные студенты практически не имеют

собственного коммуникативного опыта и в процессе его приобретения должны опираться именно на контекст, в котором функционирует языковая система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М. 2001
2. Гловинская М.Я. Видовой инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. Отв. ред. М. Ю. Черткова. М. 1998, С. 125- 133.
3. Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. Л.К.Граудиной и Е.Н.Ширяева. М.: НОРИА – ИНФА, 1999.
4. Ожегов С.И. О просторечии (К вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000 №5 С.93 – 110
5. Панин Л.Г. Вопросы морфологии русского языка. Новосибирск, 1999.
6. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 5-е изд. М.: КомКнига, 2007

ՌՈՒՍԱՅ ԼԵԶՎԻ ՏԱՐԲԵՐԱԿԱՅՆՈՒԹՅԱՆ ԼԵԶՎԱԴԱՍՏԻԱՐԱԿՉԱԿԱՆ ՆԿԱՐԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԳՈՐԾԱՌՈՒՅԹԱՅԻՆ ԴԱՇՏԻ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՇՐՋԱՆԱԿՆԵՐՈՒՄ

Նատալյա Օստրովսկայա (Ռուսաստան)

Առանցքային բառեր՝ տարբերակայնություն, միջուկ, շրջակիծ, լեզվական համակարգ:

Հոդվածի հետազոտության առարկան է ռուսաց լեզվի տարբերակայնությունը որպես ոչ առանցքային երևույթի, որն առաջացել է տարբեր գործոնների ազդեցության, նախ և առաջ բանավոր խոսքի տարրերի ճնշման հետևանքով: Լեզվական միջոցների միջուկ են կազմում պատմականորեն կայուն ու էական փոփոխությունների չենթարկվող լեզվական միավորները: Իսկ ոչ առանցքային մասում գտնվող այս կամ այն լեզվական կարգերի միջոցները անընդհատ արձագանքում են տարբեր սոցիալական և պատմական փոփոխությունների: Մի կողմից տարբերակային ձևերը բնութագրում են լեզուն, որպես միավորների համակարգ, մյուս կողմից՝ որպես գործառության խոսքային համակարգ, որը բնութագրվում է ոճային և համատեքստային տարբերակայնությամբ: Տարբերակային ձևերը մենք դիտարկում ենք պատմական, հանրամշակութային և համատեքստային տեսանկյուններից:

FEATURES LINGVODIDAKTICHESKOGO DESCRIBE THE VARIANCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE FRAMEWORK OF A FUNCTIONAL FIELD THEORY

Natalya Ostrovskaya (Russia)

Summary

Key words: *variance, core part, peripheral part, context, language system.*

The object of consideration is variance as one of the peculiar features of the Russian Language. The core part of a Language is historically stable and not exposed to significant changes, whereas the peripheral part reflects the processes that show a global trends in the language system changes. On the one hand, variant forms affect the Russian Language as a system of units, on the other hand, as a system functioning in speech, with its stylistic and contextual variance. In the capacity of methods of studying variant forms we single out the following ones: contextual (the choice of context of a variant form's usage), pragmatical (usage of background knowledge), socio-cultural (regulatedness or unregulatedness of a variant form), and historical (the analysis of a variant form's origin).